

ЛЕГЕНДА О ГРЕЗЕ

=====

Константин Б.Серафимов
ГОЛУБОЙ СТАЛАГМИТ
www.sumgan.com

ПРОЛОГ

- Вы слышали что-нибудь о Двудликой?

Сидевшие у костра переглянулись. Красные отсветы огня дрожали на закопченных сводах большого грота в основании известковой скалы, в глубине которого, в зыбких багровых тенях, угадывались расстеленные для ночевки спальные мешки.

За освещенным кругом тяжелой стеной стоял ночной дождь.

- Во льет! - парень в потертой штормовке потянулся за котелком.

- Весь день собиралось, - на улыбчивом лице девушки, что сидела рядом с ним, играло заинтересованно-серьезное выражение, светлые волосы выбились из-под шапочки. - А что там за Двудлика, Стас?

Парень хмыкнул.

- Слышал от спелеологов, не помню уже когда... Серега, у тебя курить есть? Сергей бросил в огонь пустую пачку.

- Понял, - сказал Стас.

- Перебьетесь без курева, - усмехнулась девушка. - Дымите бесперечь.

- погоди, - сказал Серега. - В рюкзаке посмотрю.

Он поднялся и принялся на ощупь шарить в глубине грота.

- Страда-альцы! - нараспев протянула девушка и вдруг насторожилась. - Слышите?

- Ты чего, Ир?

- Кажется, идет кто-то.

- Кого в такую темь...

За шумом падающего на лес дождя теперь явственно слышались приближающиеся шаги.

Ждать пришлось недолго. Из темноты в освещенный круг вступили двое. По пластиковым накидкам, укрывавшим их вместе с рюкзаками, стекали струйки воды.

- Добрый вечер!

- Добрее некуда, - усмехнулся Стас. - К нашему огоньку! Серега, у нас гости.

- Ва-ах! - Серега выбрался из сумрака грота. - Откуда будете, люди добрые?

Один из пришедших, высокий и бородатый, скинул на землю здоровенный рюкзак, помог освободиться от груза своему более изящному спутнику. Присел к костру, забюбкнул к огню мокрые руки.

- Благодарить! К Провалу идем. Тут экспедиция москвичей должна работать. Может, знаете?

- Провал-то? Его тут все знают, - сказал Сергей, рассматривая гостей. - И ребята ваши там. Вчера у них были. Вы спелеологи, что ли?

Бородатый покосился на прицепленную поверх своего рюкзака исцарапанную каску с полустершейся красной летучей мышью.

- Да вроде того. Думали, сегодня там будем, а тут дождь.

Его спутник тоже приблизился к костру. Он откинул с лица блестящий от воды пластиковый капюшон, и по плечам скользнула тугая струя черных волос. Темные в ночи глаза, точеный профиль.

Парни у костра красноречиво переглянулись.

Девушка опустила на бревно рядом с бородатым, и ее глаза наполнились мерцающими красными искорками.

- Нашего полку прибыло! - Ира пододвинула к огню котелок. - Вот, чайку попейте. Горячий!

- Спасибо! - сказал Бородатый и потянулся за кружкой. - Чаек - это хорошо. Ну что, будем знакомиться? Похоже, ночевать нам вместе придется.

- Места всем хватит, - отозвался Сергей. - Тут у нас проблема одна...

Куревом не угостите?

Бородатый спелеолог развязал кисет, достал железную коробочку.

- "Прима".

- В самый раз, - Стас выудил из огня пунцовую веточку. - О-о, "Дукат". Спасибо.

* * *

- Ты о какой-то легенде говорил, Стас, - Ира ближе подвинулась к угасавшему костру. - Расскажешь?

- Вон, у спелеков лучше спроси, - Стас покосился в глубину грота. - Они должны лучше знать...

Бородатый спелеолог привалился спиной к рюкзакам. Голова его спутницы лежала у него на коленях, пряди черных в красноватом сумраке грота волос рассыпались по отвороту желтого спальника.

- Отдыхают они, - Ира неотрывно смотрела на Стаса. - Ума-ялись. Так что не томи, рассказывай.

- Спать потом не будешь...

- Ну, Стас, ну, пожалуйста! - Ирка даже зажмурилась. - Ужасно люблю страшные истории!

- Если женщина про-осит... - пропел Серега. - Давай, правда, расскажи. Ты мастер на это дело.

- Ладно уж. Вы и мертвого уговорите. Такое, значит, в народе сказывают...

* * *

Бородатый спелеолог сквозь усталую полудрему слушал приглушенные голоса у костра. Они сплетались с шелестом все не стихающего над лесом дождя.

- Люди зовут ее Дзуликой, - донеслись до него слова. - Никто не знает, какой явится к нему Дзулика, если вечная ночь пещеры поглотит свет его фонаря, - безобразной старухой с горящими глазами или прекрасной девушкой. Горе тому, кто увидит зловещий оскал Старухи - грохот обвала или черная пасть колодца навсегда отрежут ему дорогу к солнцу...

Бородатый спелеолог осторожно положил руку на теплое плечо спящей у него на коленях девушки, и странная улыбка дрогнула на его губах...

* * *

ГРЕЗА СУМГАНА

Когда становилось особенно плохо, Коста накидывал старенькую болоньевую куртку и выходил на начинающие сереть осенними сумерками улицы. На работе, хоть и не дающей радости, ЭТО отступало. Он копался в боксе лаборатории, слушал шутовскую перебранку механиков, старался сосредоточиться на пульсирующих замысловатыми кривыми экранами осциллографов.

Вечером...

Над осенней Москвой, подсвеченное ярким заревом улиц, сочилось дождями серое небо. Он любил смотреть на цветные блики огней в черном зеркале мокрого асфальта. Но в мелькании лиц - веселых, озабоченных, усталых, - ЭТО подступало снова, и он, невольно ускоряя шаги, выходил на остановку трамвая. После той экспедиции, сознавая всю нелепость своего поведения, он мог часами бродить по оживленным московским улицам, жадно вглядываясь в волны незнакомых лиц. Заходил в ярко освещенные подземные переходы, по несколько раз спускался и поднимался по эскалаторам метро. Лица, лица, лица...

Один раз, кажется, это было на Курском, ему показалось, что он увидел ЕЕ.

Сердце, вздрогнув, заколотилось, он бросился вниз по эскалатору, перебежал, проклиная перегородки и толпу, на восходящий, и только выскочив на гомонящий пригородный перрон, вдруг понял, что нет. И ЭТО навалилось снова.

За окном трамвая качались праздничные брызги огней, в мокрых тротуарах сияли витрины...

Потом он перестал шататься по улицам, и когда ЭТО становилось невыносимым, ехал к Вовчику.

- Станция "Октябрьское поле", - проникал в сознание искаженный динамиками голос.

Он выходил на перрон и, проходя мимо последнего вагона, слышал: "Осторожно, двери закрываются, следующая станция "Щукинская", обрезанное коротким металлическим гулом закрывающихся дверей.

Все ускоряя шаги, спешил он по пустынной улице, спешил, как к спасению, ибо только там ЭТО, обнажаясь, как-то стихало.

Свернув через залитую водой калитку во двор, он сильно рвал на себя дверь подъезда. И сейчас, поднимаясь на второй этаж, Коста вспомнил, как в первый раз долго бродил вокруг в поисках входа – дверь и сейчас поддавалась неохотно, а тогда явно не желала его пускать, претворяясь запертой.

Коста звонил коротко: "Динь-бом" мелодично пел звонок, и Коста, уже заранее улыбаясь, вслушивался в шаги за дверью. Шелкал замок, дверь широко распахивалась.

– Ха-а! Костик!

– Здорово, Вовчик!

– Здро-ово!

Они с размаху жали друг другу руки, и Коста с радостным волнением, которое сохранил с того, первого, раза шел за Вовчиком в комнату, стараясь рассмотреть из-за него – кто из ребят сегодня здесь.

– Проходи!

В коммунальной квартире на Маршала Бирюзова, в маленькой комнатке Вовчика, почти каждый вечер было полно народу. Каждый ехал сюда, как домой, ехал к своим, неся "в толпу" все свои радости, огорчения и планы.

Даже когда у Розалии родилась Женька и Вовчик стал первым папашей в их спелеогруппе, традиции не изменились. Часом к восьми на столе появлялся выдавший виды зеленый чайник, выкладывалась из карманов и сумок снедь: колбаса, булки, сыр, помятые пакеты масла. Рассаживались кто на чем. Иногда кто-нибудь доставал из-за пазухи бутылку вина, и тогда из массивного серванта, до отказа забитого сверкающими образцами камней со всего света, извлекались старые фужеры с отбитыми ножками.

В девять маленькую Женьку укладывали спать, и вся толпа вываливала на лестницу покурить.

Здесь, у Вовчика, обсуждались планы будущих экспедиций и штурмов, сюда стаскивались веревки, палатки, "украины" – как в обиходе называли шахтерские аккумуляторы, словом, все то, что на их языке определялось емким словом – "снаряга".

Коста любил смотреть на оживленные лица ребят, на тронутую ранней сединой шевелюру Крестина, на всегда взъерошенного Вейса, на "атласную кожу и черные глаза" Лехи. Любил слушать спокойный голос Вовчика и звонкий смех Татьяны, ловить затаенную грустинку в глазах Ольги, выпутываться из сумбурного потока идей Игорька.

Это были Его ребята. И он был Их.

И потом, шагая по пустынным ночным улицам под шелест колес одиноких машин, когда ЭТО надвигалось снова, часто думал: кем бы он был без них, без своих ребят?

Иногда приходила мысль, что не будь их, он не поехал бы в эту последнюю экспедицию, так резко перевернувшую все в его жизни. Он никогда бы не увидел ЕЕ, и никогда не пережил бы того, что с ним сейчас происходило, того, что он, не находя слов, коротко называл – "ЭТО".

* * *

Коста вошел в комнату и по оживленным взглядам понял – что-то опять затевается. Через стол потянулись руки. Здороваясь и отвечая на шуточные слова, Коста с трудом протолкался в угол комнаты, устроился на стуле. Кто-то протянул фужер, кто-то пододвинул тарелочку с салатом.

Прислушался. Он оказался прав – разговор шел о новой экспедиции.

– Смотри, Костик, – Вовчик развернул на столе новенькую кальку. – Крестин чего принес. Свердловская съемка! Достали таки. Здесь кое-что отличается то нашей схемы.

Преодолевая себя, Коста склонился над картой. В извилистых линиях ходов перед глазами отчетливо проступала Пропась, ее галереи и колодцы, залы и ледники. Вот и река, сифоны... Что толку смотреть?

На душе было тошно. Все смотрят на него так, будто он знает, но не хочет показать этот проклятый обход сифона!

– Ребята, нам пора спать, – Роза улыбнулась. – Жень, скажи дядям спокойной ночи!

Вышли на лестницу.

- Что скажешь? - Вовчик протягивал ему пачку "Примы". - Возьми вот, покрепче...

Что он мог сказать? Рассказать все, и пусть его сочтут сумасшедшим?

- У кого там есть закурить? - Леха "незаметно" подмигивал с подоконника. Коста невольно улыбнулся.

"Знаешь, как надо подмигивать незнакомым девушкам? - говорил Леха. - "Незаметно. Вот так!"

Далее следовало непередаваемое Лехино действие, состоявшее из яростного подмигивания с одновременным утрашающим перекосом физиономии в сторону высунутого языка.

Со всех сторон потянулись за куревом. Спичка пошла по кругу.

Коста чувствовал, что надо сказать ребятам все.

Именно сейчас.

Потому что сегодня разговор снова, в сотый, наверно, раз зашел про ту экспедицию.

Потому что назревала новая экспедиция, и ЭТО мучило его все сильнее, не давая дышать.

Кое-что он все-таки рассказал. Тогда, еще в Пропasti, после падения с ледника.

Он сказал, что видел, знает, как и что за сифоном. Описал точно, невероятно точно, так же, как только что повторил сейчас. И больше не сказал ничего. Не мог.

Хотя, что значит - точно, когда за сифоном, кроме него, никто толком-то и не был?

Мужики курили, перебрасываясь словами.

- Он видел, это безусловно. - Вовчик пошире расставил ноги. - Таких совпадений не бывает. Это не придумаешь. Он видел... Только вот - как?

- Галлюцинация, - сказал Крестин.

- А почему нет? - Леха спрыгнул с подоконника. - Даже в литературе пишут: "Имели место случаи галлюцинаций у спелеологов, которым пока не найдено объяснений". Так?

- погоди, Леха. Мы уже тысячу раз об этом говорили, - Вовчик повел плечом. - Я могу поверить в галлюцинации, в пров'идение, это и у меня бывает... Я про нож понять не могу. Как у Костика оказался нож, который я потерял в сифоне? И еще что-то... вертится вот, не могу поймать...

- Ножи, - сказал Игорек. - Ножи ваши - это гвоздь проблемы. Хотя, скорее всего, вы просто случайно ими поменялись. До сифона еще, а?

- Ты помнишь, как я из сифона вышел? - Вовчик отрешенно смотрел куда-то внутрь себя, и Коста почувствовал, как в глубине поднимается непреодолимая внутренняя дрожь. - Я с ножом в руках вышел. А знаешь, почему? Потому что Костиков нож в мои ножны не входит. Напрочь. У него вон какая сабля! Но чего-то я не то хотел...

- Это факт, - сказал Боб. - Мы это дело экспериментально установили. Его нож для твоих ножен велик. Дак ведь и у Костика нож-то твой... Чудно как-то, помнишь? С одной стороны, его в Костиковых ножнах рукой держать надо, чтобы не потерять, - велики ножны. А с другой, - Костик с ледника навернулся, а Вовкин ножик у него в ножнах как прилип! Не чудно? Это я путано сказал... Но факт.

- Да не менялись мы ножами до сифона - сказал Вовчик. - Ну, ты, Боб, сам посуди. Ну, на кой ляд нам ножами меняться?

- А тогда остается только одно! Вы с Костиком где-то там, за сифоном встретились, нажрались чего-то от радости и теперь не помните ни хрена.

Коста зажмурился и глубоко затянулся сигаретным дымом.

- Короче, - сказал Леха. - Зимой ехать надо, разбираться. Тогда у нас слишком мало времени было.

- И воздуха, - сказал Игорек.

- И воздуха..., - как в полусне отозвался Вовчик и вдруг замер. - Подожди, подожди... Кажется, поймал. Кто помнит, сколько у меня оставалось в баллонах атмосфер? Вот сразу, как вы меня из сифона выдернули?

- Около восьмидесяти, - сказал Игорек. - Скажи, Леха.

- Точно. Мы их потом на ферме выпускали. В чем дело-то?

- Вот оно что! - сказал Вовчик и обвел всех глазами. - Вот, что меня все это время мучило. Неувязочка получается, мужики. Я почему тогда назад повернул?

- Почему?

- Воздуха у меня было мало! - четко, почти по складам, произнес Вовчик. - У меня на манометре было тридцать. Предел у меня был, понял?

- Ни фиги не понял, - сказал Игорек.

- А когда я веревку обрезал, и того не оставалось. Зашкалило манометр. Да если б у меня восемьдесят было, я бы так не испугался. Еще вперед бы двинул, как...

- Ты просто забыл, - уверенно сказал Боб. - Задергался и забыл.

- Я не забыл. Я просто только сейчас вспомнил. Да будь у меня хоть полсотни атмосфер!.. - Вовчик усмехнулся. - Это я потом задергался.

- Бред какой-то! - Вейс взъерошил и без того взъерошенный чуб. - Ножны, ножи, атмосферы... Может, нам в психушку пора? Построимся все, и хором.

- Двуликая, мужики! - Леха весело присвистнул. - Не иначе!

Коста так сильно вздрогнул, что чуть не выронил сигарету. Он не все рассказал тогда ребятам. Не мог рассказать. Потому что в глубине души сам считал происшедшее с ним невероятным. Но он не мог больше носить в себе этот груз.

Коста обвел взглядом задумчиво куривших вокруг него парней.

Это же его ребята! Они поймут. Они не могут его не понять.

- Тут вот какая штука, - трудно сказал он и потянулся за новой сигаретой...

* * *

Та последняя экспедиция осталась в его памяти отрывочными, но предельно яркими картинками.

... Они с Лехой распутывали телефонный провод. Красной спутанной грудой он лежал на снежном конусе дна Первой шахты Пропasti. Голубоватый свет угасающего наверху дня слабо струился по уходящим на недостижимую высоту гигантским стенам каменной "бутылки". И где-то там, вверху, в голубой груше неба, золотились закатным солнцем паутинки растяжек.

Сквозь монотонную музыку бьющей с тающих ледников капли иногда проступали доносящиеся сверху далекие звуки Земли.

- Слышно сегодня хорошо, - наматывая провод на крестовину, Коста посмотрел вверх.

- Похоже, радуются чему-то, - Леха сплюнул на снег. - Дернул же их черт провод упустить! До ночи теперь провозимся.

Сегодня их четверка выходила на поверхность. Шесть суток под землей сделали свое дело. Ребята устали. Это чувствовалось по тому, как сильно затянулся подъем с Нижнего яруса Пропasti. Торопились. Не хотелось выходить в ночь, все смертельно соскучились по солнышку.

И вот тут, когда Ольга с Сорокиным уже вышли, и пристегивался на подъем Леха, раздался свист падающего с семидесятиметровой высоты провода. Что было делать?

Через час проклятый провод, наконец, был распутан. И когда его, прицепленный к концу веревки, конец, медленно пополз вверх, они с Лехой с трудом распрямили налитые усталостью спины.

- У тебя курить осталось? - Коста из-под каски провожал взглядом уходящую в туманную высоту красную ниточку.

- А как же, - Леха вытер руки о комбинезон, полез за пазуху. - Славно потрудились. Теперь не грех и закурить...

Стукнувшись касками, они склонились над оранжевым огоньком спички, жадно затягиваясь теплым дымом.

Коста не слышал свиста падающего камня.

Они успели разойтись метра на два: Коста - к Телефонному ходу, Леха - к Северной галерее, когда в мокрый снег конуса беззвучно вошел камень, и снег под их ногами едва ощутимо дрогнул.

"Как раз, где мы стояли..." - мелькнула мысль.

Коста коротко глянул на Леху. Леха только покрутил головой:

"Дураки, мол, совсем страх потеряли - на конусе закуривать!.."

Передернув плечами, Коста припал к телефону:

- Земля, Земля, я - Сумган, как слышите? Прием.

Он прижимал к уху динамик, а сам все косил глазом на дырку в снегу.

"И на этот раз пронесло, - подумал он. - Хорош подарок! Устали и забыли осторожность..."

В наушниках затрещало. Ага, значит, провод подняли.

- Сумган, я - Земля. Все в порядке. Прием.
- Отлично! Все. Мы поднимаемся. Сейчас идет Леха.

* * *

... Стены медленно ползли вниз. Огромные, влажно-черные, они раскачивались перед глазами в такт пульсациям веревки.

"Клац-клац" - лязгали металлом самохваты.

Коста чувствовал, что очень устал. Он старался не смотреть на окружающие его стены, ибо тогда казалось, что он вообще не движется. Хрипло дыша, Коста старался держать ритм подъема, попеременно выкидывая вверх руки с зажимами и уже не ощущая боли в ссаженных пальцах.

Венчик окаймляющих Пропасть скал постепенно расширялся, качаясь над ним в позолоте последних лучей заходящего солнца.

И странными казались несущиеся над головой серо-белые облака.

- Эва! Костик!

Коста запрокинул голову влево.

Улыбающиеся лица на краю... Да вот он - край долгожданный! А это кто?

- Вовчик?!

Вовчик приехал!

Последние усилия, и Коста завис у края Пропасти, чувствуя, как все тело гудит от подъема. Бесконечные стены закончились, и Южная площадка, на которой деловито суетились ребята, качками, в такт рывкам вытяжной веревки, приближалась, обдавая полузабытыми парными запахами уходящего осеннего дня.

Его вытащили на край, и еще не успев отстегнуться от веревки, Коста уже обнимал Вовчика, который, оказывается, приехал еще вчера.

- Вот и встретились на Сумгане!

- Теперь поработаем!

* * *

Вечером вся экспедиция собралась у жаркого костра. Коста, наконец, почувствовал, как отсыревшие в промозглом холоде пещеры кости наполняются блаженным теплом, и как распрямляются нервы, наполняя все его существо непередаваемой радостью.

Вовчик приехал! Теперь они могли перейти к своей главной задаче - штурму сифона подземной реки.

Подводная группа была в сборе, и Игорек, оставив в сторону кружку, развивал картину предстоящего штурма.

Коста слушал и не слушал. Оранжевые языки пламени плясали перед его глазами, обдавая жаром, и в них качались фантастические картины Пропасти: гигантские своды залов, белоснежные каменные каскады натеков, голубое сияние ледников, черное стеклянное спокойствие реки в жутковатом контрасте с гулом, идущем откуда-то из глубины затопленных рекой галерей.

Загадка этой реки давно не давала им покоя. Начинаясь на поверхности с уходящих в поноры разрозненных ручьев, река появлялась отдельными участками в вышележащих пещерах урочища. И лишь для того, чтобы во всей красе участником в черных тоннелях галерей Нижнего яруса Пропасти. А дальше, уходя в сифон, через несколько километров никому неизвестного подземного пути, появлялась снова - на поверхности земли, в голубом озере у подножия серо-белой стены известняков.

Что там, под этими могучими плитами скал? Какие лабиринты хранит земля, отгородившись от света коварными дверями сифонов?

Четвертый год приходят они к Пропасти, но ни разу еще не посягали на скрытые за сифонами тайны. Что несут они им, спелеологам?

В костре кровенели догорающие угли.

Из-за далеких хребтов пробирался ветер, шурша пожелтевшими лесами.

Над урочищем нависло черное, набухающее дождями, небо.

"Осень, уже совсем осень", - подумал, засыпая, Коста.

* * *

Утром он проснулся с чувством беспокойства. Но тревога была смутной, и он подумал, что это обычное волнение: сегодня вниз спускалась шестерка Вовчика, а они с Лехой, отдохнув наверху, через день тоже должны были уйти под землю.

Небо, затянутае тучами, время от времени роняло редкие капли. Они с шелестом ложились на пестрый ковер листьев под ногами, звучно стучали по каскам стоявших на Южной площадке Пропасти парней.

Вниз осторожно спускали акваланги, тщательно упакованные в транспортные мешки.

- Да-а, погодка начинает портиться, - Вовчик, стоя на самом краю, провожал глазами уходящие в шахту мешки.

- На Нижнем будьте осторожнее, - сказал Коста, прислушиваясь к ровному шороху веревки. - Во вторую шахту падает лед. Особенно, когда дождь.

Вовчик кивнул.

- Земля, Земля, я - Сумган, - из динамика телефона слышалось дыхание Игорька. - Груз весь?

- Да, последний рюкзак, - Леха щелкал переключателями приемника. - Как у вас? Прием.

- Нормально. Первые уже спускаются в колодец Вейса.

- Скажи ему, сейчас пойду я, - Вовчик в последний раз подтягивал узлы обвязки, позвякивая карабинами.

- Эва, Сумган! Сейчас пойдет Вовчик.

- Поняли.

- Когда вы начнете работать в сифоне? - Коста распутывал грязную вытяжную веревку, изредка поглядывая, как Вовчик пристегивается на рогатку.

- Думаю, завтра.

- Во сколько связь?

- Давай, часов в одиннадцать. До одиннадцати должны успеть, - Вовчик уже садился на край, неуловимо напоминая чудовищного паука - весь в капроновой паутине веревок.

- Выспаться?

- Что выспаться? - Вовчик недоумевающе взглянул на него. - А-а! - он улыбнулся. - И выспаться тоже успеем. Страховка?

- Есть, - Леха замер на страховке у старой березы.

- Ну, я пошел, выдавай понемногу.

- Давай! Скоро увидимся.

* * *

Всю ночь бушевала непогода. Благо, что вечером они с Лехой перенесли лагерь на ферму в километре от Пропasti, и теперь, лежа на нарах, Коста прислушивался к шуму ветра за стеной.

Ветер ломился в окна, двери, гудел в трубе. Казалось, что избушка раскачивается от его порывов. Дождь косой стеной рубил грязь на почерневших дорогах, заливал стекла, струйками стекая с крыши.

- Весело сейчас было бы в палатке! - подумал он, засыпая.

Ночью он неожиданно проснулся: чего с ним давненько не бывало. Тревога возвратилась, но Коста заставил себя заснуть - надо было хорошенько отдохнуть перед послезавтрашним спуском.

Утренняя связь не дала особых новостей. Весь этот день, бродя по пасмурным логам - надо было нанести на карту входы двух новых для них пещер, Коста ловил себя на мысли, что с нетерпением ждет вечера. Только тогда они узнают о первой попытке штурма сифона подземной реки.

К вечеру над урочищем стих ветер. По логам потянулись сизые космы тумана, на черно-синем небе проглянули одинокие пока звезды.

- Похоже, распогодится, - Леха, озаряемый рыжими бликами, совал в печку дрова.

- Хорошо бы. Сколько до связи, мужики?

- Сорок минут.

- Опять поужинать толком не успеем, - Ольга со стуком поставила на стол котелок с картошкой. - Ну, давайте по быстрому.

Торопливо работая ложкой, Коста то и дело поглядывал на часы.

"Что же там у ребят? - сверлила мысль. - Что за сифоном?"

Так и не попив чаю, они с Лехой вышли в ночь.

- Ну и темнотища! - смутная Лехина тень маячила рядом.

Ветер стих, и над урочищем нависла плотная тишина. Только шорох их шагов, да изредка лязг ледоруба о камень.

Ровно в условленное время они подключили телефон.

Из Пропasti несло холодом. Коста зябко поежился.

- Тихо что-то. Нет никого.

В приемнике слабо потрескивало.

Отступившая было, тревога снова заворочалась в груди.

Тихо...

– Сумган, Сумган, я – Земля. Как слышите? Прием.

И только шорох в приемнике.

Медленно тянутся минуты. Луч фонаря бесцельно бродит по черно-серым скалам, нависающим над Пропастью.

– Да что они там! Спят, что ли? Сколько мы здесь?

– Минут двадцать. Может...

– Подожди!

В шорохе и потрескиваниях телефона что-то изменилось. Далекий гул нарастал. Вот уже можно различить топот ног. Он все ближе!

Коста непроизвольно напрягся, вдруг стало жарко.

– Земля! Земля! – хриплый, задышающийся от бега голос.

– Земля на связи! В чем дело?!

– Все нормально. Мы немного заболтались.

Леха за спиной с облегчением вздохнул.

– Ну, черти! Мы уже беспокоились. Как там сифон?

– Сейчас Вовчик подойдет, расскажет.

Через несколько минут они слушали чуть искаженный глубиной голос Вовчика:
– Сегодня провели разведку. Прошли двадцать метров предсифонного озера и тридцать метров сифона.

– А дальше?

– Дальше пройти не смогли. Страховка кончилась, да и холодно дико.

– Понятно. Завтра мы к вам спускаемся. С Лехой. Что у вас на завтра?

– Попробуем еще раз.

* * *

Проглянувшие было звезды снова задернули облака. Возвращаясь на ферму, Коста чувствовал, что за эти дни на Земле нисколько не отдохнул. Надоело низкое мокрое небо. Хотелось солнышка. И совсем не хотелось завтра спускаться.

А утром он проснулся с чувством какого-то радостного ожидания. Ребята еще спали, и Коста некоторое время все никак не мог сообразить, почему в домике так празднично светло. Выбравшись из спальника, он глянул в окно и не смог сдержать радостного удивления.

За окном мела метель. Снег валил густо, стремительно, огромными мохнатыми хлопьями.

– Ребята, снег!

Сна как не бывало.

Снег! А ведь только середина сентября.

– Все у нас было, – говорил Леха, отыскивая под ногами сапоги. – Шли сюда – умирали от жары. Лето, да и только. Позавчера вылезли из Сумгана – я еще удивился, как все пожелтело. Вся Южная площадка в листьях.

– И трава полегла, – Ольга смотрела на ребят широко раскрытыми глазами, в которых отражались маленькие окна: за ними все валил и валил снег.

– Ну! А сегодня и зима пришла, – Леха забухал сапогами к двери. – Что-то будет, когда выйдем на Землю?

– По идее, весна, – Ольга уже гремела котелками на печке. – Леха, дровишек захвати!

– Оля, нам на связь, – Коста поверх двух свитеров натягивал порыжевший от пещерной глины комбинезон.

* * *

Метель приняла их в свои объятия. Снежинки таяли на разгоряченных ходьбой лицах, и Коста на ходу слизывал капельки, то и дело повисавшие на кончиках усов.

Вот и Южная площадка. Всюду: на пожелтевшей траве, на обнаженных стволах берез, на серых выступах скал – лежал снег. Метель утихла, и снежинки медленно, как будто нехотя, падали в темную пасть Пропasti навстречу поднимающимся из глубины облакам пара.

Оставив Ольгу у телефона, Коста поднялся на скалу, нависавшую над Южной площадкой – зрелище устья Пропasti всегда волновало его. А когда спустился, из телефона уже раздавался радостный голос Вовчика:

– Прошли сифон!

– Иди ты!

– Точно!

- Сколько?
- Тридцать пять метров. Дальше, метров на двадцать, просматривается галерея. Над головой метра три воздуха.
- А дальше?
- Похоже, поворот.
- Чего не пошли? Опять страховка?
- Да нет. Я потек здорово. Да и не вижу без очков под водой. Сейчас думаем еще нырять. Игорь уже готовится.
- Воздуха много осталось?
- До фига.
- Ну, удачи! Мы сейчас позавтракаем и к часу начнем спуск.

* * *

Пока бежали знакомой тропой обратно на ферму, в голове все время радостно пульсировала мысль:

"Взят сифон. Пройден сифон Сумгана!"

* * *

В лагере Нижнего яруса было шумно. На примусах закипала вода. По неровным стенам и потолку, по палаткам металась фантастические тени.

Во второй попытке Игорь не смог пройти сифон. Об этом Коста узнал, уже спустившись. И сейчас они сидели вокруг свечи – шесть перемазанных в пещерной глине фигур. В солидное гудение примусов мелодично вплетался говорок близкого ручейка, робкие строчки капли.

Молчание прервал Вовчик:

- Завтра надо пробовать еще раз. На раз воздуху еще хватит.
- Гидрики текут, – Сорокин, отходивший к примусам, снова присел на рюкзак.
- Я сегодня замерз страшно.
- Так сколько ты в воде простоял, тут и не потечешь, замерзнешь.

Страховать уходящего в сифон приходилось стоя по пояс в воде предсифонного озера. Лодки у них не было.

- В следующий раз обязательно надо лодку, – Игорь сидел без каски, и огонек сигареты периодически разгорался у его губ. – Самое странное, что я не видел ни одного кармана с воздухом. Только отдельные пузыри, да и то, наверно, мы их надыхали.

- Первый карман идет сразу метра через два от начала сифона. Ты вдоль потолка шел? – Вовчик полез за спичками. – Я в этот карман сразу выскочил.

- В том-то и дело, что и я шел по потолку. Там выступы, борозды, ребра какие-то. Я еще подумал, как бы страховка не зацепилась. Но – ничего не видел.

- Странно.

Они задумчиво замолчали, уставившись на пламя свечи.

После ужина, неожиданно для себя, Коста снова почувствовал себя неважно. Спуск отнял больше, чем нужно, сил. Да еще часа два потеряли в колодце Вейса, когда пришлось перенавешивать потертую веревку.

Пора было спать. Снимая комбинезоны и трикони, парни расползались по палаткам.

В палатке ему показалось тесно, и, поразмыслив, Коста устроился в спальнике на груде мешков, укрывшись пластиком.

В наступившей тишине где-то недалеко гулко била капель.

Голова гудела, все тело ломало.

- Не хватало еще заболеть, – подумал он, засыпая.

Перед глазами в непроницаемом сумраке пещеры поплыли знакомые голубоватые тени и исчезли.

* * *

Странно было смотреть на эту воду. Черная, матово застывшая, ее поверхность играла бликами фонарей. Желтые пятна света невесомо скользили по изборожденным коррозией стенам. И над всем этим – мощный, давящий на сознание, гул невидимого переката.

Штурмовая тройка – Вовчик, Игорь и Сорокин, матово поблескивала мокрой резиной гидрокостюмов. Стянутые обтюраторами лица трудно узнать.

- Мужики, пора нырять, – Вовчик неловко шевелил пальцами в толстых перчатках. – Я уже начинаю задубевать.

– Сейчас, – Игорь возился с легочником акваланга.

Его желтые баллоны резко контрастировали с черной водой и уходящими во мрак стенами.

– Значит, так, – Коста поудобнее перехватил треногу штатива. – Я буду работать в Ледяном зале. Кто у нас на связи – Леха? Если что – я там. Там же рядом Саня. Он уже ушел, что ли?

Леха молча кивнул.

– В общем, давайте.

Вовчик махнул рукой:

– Попробуем. Еще разок. Все равно, на большее не хватит воздуха.

Ловя слабеющие с каждым поворотом гулкие голоса у сифона, Коста направился к Ледяному залу. Миновав зал Ворота, он углубился в сеть галерей, на полу которых все чаще появлялись языки льда. Ледники на Нижнем ярусе Пропasti не таяли круглый год.

По крутому обледеневшему ходу Коста поднялся в Ледяной зал. Луч фонаря голубыми искрами заиграл в мощных ледяных сталагмитах, в зеркальном льду пола.

Положив фонарь на выступ стены так, чтобы его свет охватывал как можно большую часть зала, Коста установил штатив фотоаппарата и, не спеша, принялся за работу. Поймав в видискатель нужный кадр, он отвел фонарь в сторону. Теперь лишний свет дал бы только красные блики на цветной пленке. Открыл затвор фотоаппарата. Осторожно, стараясь не поскользнуться на гладком, как стекло, полу, почти на ощупь начал обходить зал, время от времени прорезая темноту бликами вспышки.

За работой время летело незаметно. Коста успел сделать несколько снимков, когда снизу, из-под уходящего во тьму ледника, послышалось буханье триконей. Кто-то бежал по направлению к Ледяному залу, и эхо грохотало по пещере, стократно усиливая гул приближающихся шагов.

– Эва! Костик! – голос Лехи тревожно заметался под сводами.

Коста почувствовал, как у него упало и бешено заколотилось сердце. Положив вспышку прямо на лед, он быстро, насколько позволял тусклый свет направленного в стену фонаря, приблизился к краю ледника. Внизу маячила звезда Лехинога фонаря.

– В чем дело?!

– Похоже, у Вовчика застряла страховка! Уже минут пять, как вышло время, а его нет. Давай к реке!

Мысли лихорадочно застучали в висках. Глубина небольшая, в аппарате было, кажется, около ста атмосфер, на сколько их хватит?

– Бегу! – крикнул он вслед уже удаляющемуся Лехе.

– Сейчас скажу Сане! – донеслось до него.

Машинально Коста рванулся было к выходу из зала, но, вспомнив, что у него нет фонаря – тот по-прежнему лежал на выступе стены, все так же тускло озаряя враз помрачневшие своды, – резко остановился. Трикони скользнули, потеряв сцепление с предательски гладким льдом. Коста сделал отчаянную попытку удержать равновесие, но упал, и вдруг почувствовал, что неудержимо соскальзывает куда-то вниз. Он попытался перевернуться, выставив вперед тяжелые ботинки, чтобы хоть немного смягчить ожидаемый удар. Но тут его резко дернуло вправо – он даже не успел толком испугаться – и оглушительным ударом в каску швырнуло в забвенье.

* * *

...Потом он все взбирался по зыбкому коридору и снова скатывался вниз, взбирался и падал...

Один раз он почти поднялся на край невидимого уступа, за которым брезжил неясный ласковый свет, но оглянулся и увидел себя, лежащего далеко внизу среди дико искореженного камня и льда.

Потянулся к себе, и снова соскользнул куда-то в тошнотную яму и боль.

* * *

Сознание возвращалось медленно. Еще сквозь закрытые веки он увидел хоровод зеленых пятен и кругов.

Коста с усилием открыл глаза. Пятна и тени не отступили, но лишь слегка замедлили свой бег. Боли не было, и Коста попробовал приподняться. Вокруг плотной стеной стоял зеленый мрак.

– Фонарь, – подумал он. – Фонарь остался на полке.

Он пошарил вокруг руками, но стен не было. Тогда он резко встал на колени, и тут же резкая боль бросила его лицом на лед.

Очнулся он от мягкого прикосновения чьих-то рук.

– Ребята, – мелькнула благодарная мысль. – Наверное, Леха... – мысли путались, – ...или Вовчик... Вовчик... Что же Вовчик?

Он смутно помнил, что накануне его падения что-то было связано с Вовчиком. Но что?

Мысли, как расплавленный воск, тягуче плыли в воспаленном мозгу.

Коста медленно поднял веки и невольно вздрогнул, увидев склоненное над собой лицо. Большие, бездонной черноты, глаза – он раньше почувствовал, чем понял их красоту. Глаза смотрели на него, не мигая, чуть поблескивая из тени ресниц. Темные длинные волосы почти касались его лица, сливаясь с вечной ночью пещеры. Тонкий прямой нос, чуть тронутые улыбкой красиво очерченные губы...

– Наверно, брежу, – подумал он и закрыл глаза. – Начинаются галлюцинации... Скорее всего, от удара. Здесь же дьявольски темно...

Память вернулась скачком.

– Вовчик! – забила мысль. – Вовчик запутался в сифоне!

Он снова открыл глаза и...

Лицо не исчезло. Оно лишь чуть отодвинулось в темноту, и теперь он мог различить склонившуюся над ним фигуру женщины.

– Что с Вовчиком? – хрипло спросил он, совершенно не рассчитывая на ответ, и эхо его голоса взлетело под невидимые своды.

Коста смотрел на женщину, смутно ожидая, что сейчас она растает среди окружающих его зеленоватых миражей. Он смотрел на нее и вдруг понял, что женщина улыбается.

– Ты должен был умереть, – услышал он шепот чуть дрогнувших губ. – Ты жив. Ну, что ж...

– Что с Вовчиком? – снова спросил он, непроизвольно облизывая пересохшие губы.

– Вовчик? – медленно произнесла женщина, и Коста поразился ее голосу: он показался ему странно знакомым. – Почему ты о нем спрашиваешь? Это твой друг?

– Да.

Сознание как бы раздвоилось: одна половина успокаивала, убеждала, что все бред, наваждение. Другая – упорно цеплялась за эту, пусть невероятную, ниточку:

– Вовчик застрял в сифоне, наверно, запуталась страховка. Что с ним?

– Это тебя интересует больше всего? – глаза женщины замерцали зеленоватыми искрами.

– Все остальное все равно только бред, – подумал он и кивнул.

Губы женщины дрогнули, будто непрощенные слова вот-вот готовы были сорваться с них. Зеленые искорки в глазах вдруг погасли. Женщина гибко выпрямилась, и Коста еще раз удивился, как ясно он видит ее, когда вокруг, он знал это, – кромешный мрак.

– Тогда пойдем.

Маленькая рука скользнула над ним, как бы предлагая опору. Коста опасливо покосился на свои ноги, боясь необдуманным движением снова вызвать резкую боль.

– Пойдем, – голос женщины звучал повелительно, и в следующий момент он понял, что стоит. Боли не было. Рука женщины все еще была протянута ему, и он, прежде чем коснуться, невольно вытер грязную ладонь о комбинезон.

– Надо спешить, – в ее глазах снова вспыхнули зеленые огни, но тут же погасли, и Коста ощутил холод тонких пальцев в своей горячей руке.

– Но куда? Тут же ни черта не видно!

– Неужели?

Голос женщины прозвенел легкой иронией, и Коста понял, что... видит. Мягкий зеленоватый свет лежал на проступивших из мрака стенах, на обледенелых глыбах пола.

– Типичный мираж, когда долго сидишь без света, – подумал он. – Тронь эти "стены", и рука повиснет в пустоте...

Но все же отчаянно шагнул вперед.

Видимо, все эти мысли ясно проступали на его измазанном глиной бородатом лице, потому что ему почудился затаенный мелодичный смешок. Это почему-то разозлило его.

– Даже мираж смеется над тобой! – шепнула сомневающаяся половинка сознания, но другая уже вела его вперед, вслед за зеленоватым сиянием убегающей вперед галереи.

Его тяжелые шаги наполнили своды грохочущим эхом, и в то же время Коста поймал себя на том, что не слышит шагов быстро идущей впереди женщины. Она легко скользила перед ним, озаренная тем же призрачным сиянием, и теперь он мог лучше рассмотреть ее гибкую фигурку. Женщина была чуть выше его плеча. Темные волосы невесомыми волнами колыхались в такт шагам. Черный плащ, ниспадающий с плеч, сливался с черными тенями, залегшими у стен. В каждом движении женщины было столько неуловимой грации, что Коста невольно залюбовался ею. И вдруг ощутил в себе смутное беспокойство, даже волнение, вызванное призрачной незнакомкой.

– Этого еще не хватало! – сердито подумал он, но женщина, словно почувствовав его взгляд, оглянулась.

И снова ему показалось, что в ее бездонных глазах мелькнула искристая лукавинка.

Но тут же мысль о Вовчике заставила его прибавить шаг.

Стены галереи раздвинулись, под ногами вновь появился лед. Что-то знакомое почудилось ему в очертаниях этого гигантского зала. Вот и ледяной сталагмит-дворец. Где же он его видел? Белые полосы на стенах, аркой уходящие к сводам...

– Да ведь это Ворота! – Коста почти бежал, краем сознания удивляясь, что его спутница все также неслышно скользит впереди него. – Нам туда!

Отсюда он и в полной темноте мог бы добраться до выхода к реке. Вот и ее, неясный пока, гул доносится из темноты.

Но маленькая и неожиданно сильная рука женщины вдруг потянула его вправо, туда, откуда из сводчатого повышающегося входа сползал белый язык ледника.

– Там же тупик!

Они с Лехой несколько раз осматривали эту слепую галерею в надежде найти новый выход к реке и всегда наткнулись на завал, а маленькая рука властно вела его именно туда.

Коста не мог потом вспомнить, как они проскользнули между готовыми обрушиться глыбами, как шли по лабиринту изгибающихся во всех направлениях ходов... Ему только показалось, что шли они довольно долго.

– Смотри! – женщина легко остановилась, и Коста, с трудом переводя дух, понял, что они стоят в окне сумрачной галереи.

Внизу черно блестела вода.

– Вовчик!!! – закричал Коста и, рванувшись вперед, наверняка упал бы в воду, но невидимая преграда сильно толкнула его в грудь.

Там, в черноте воды, то показывались, то снова исчезали желтые бока акваланга, и тогда на поверхности воды бурливо вскипали черные пузыри.

– Нож! – услышал он за спиной насмешливый голос, и торопливо выхватил из ножен на поясе свой старый клинок.

– Положи на камень!

Не совсем понимая, что делает, Коста высунулся из окна и положил нож на выступ скалы, около которой вспухали воздушные пузыри.

Через мгновение он, наконец, увидел лицо Вовчика, искаженное маской. Вовчик на секунду вынырнул, его взгляд метнулся по отвесно уходящим в воду стенам, задержался на ноже. Коста видел, как в напряженных глазах Вовчика мелькнуло облегчение. Рука в резиновой перчатке крепко схватила рукоятку, и голова Вовчика, выпустив из легочника бурлящий пузырь, снова канула в воду. Луч его фонаря зажелтел из-под воды, потом качнулся в сторону, мелькнули над водой концы ласт, в последний раз всколыхнув гладь озера, и все стихло.

И Коста вдруг почувствовал, что страшно устал. Он прислонился к стене, не испытывая больше никаких желаний и не имея сил к их осуществлению. Он ошупал карманы, достал помятую пачку "Примы", спички и машинально закурил. Несколько раз глубоко затянувшись, он почувствовал некоторое облегчение. Но в голове по-прежнему было пусто и тяжело. Мысли, словно нехотя, медленно возникали откуда-то из глубин сознания.

– Господи, – подумал Коста. – Ведь привидится же. Поразительно ясные галлюцинации...

Вместе с мыслями оживала и тревога.

– Есть спички, – появилась мысль. – Надо попробовать выбраться к ребятам... Они уже, наверно, хватились, что меня нет. Интересно, откуда же я свалился? Неужели с Большого ледника?

Временами на него наплывало смутное ощущение, что он лежит среди россыпи обломков льда и камня...

За его спиной прошелестел короткий смешок.

– Опять начинается, – обреченно подумал Коста. – Странно, но я совсем не волнуюсь за Вовчика...

Он тяжело повернулся и снова увидел Ее. Женщина сидела на покрытом натеком выступе и, как ему показалось, с интересом смотрела на него. В ее черных глазах дрожала усмешка.

Коста курил, молча глядя в эти притягивающие огромные в вечной ночи зрачки. Вот шевельнулись губы.

– Ты доволен? Я выполнила твоё желание.

– Если бы все было так наяву, – подумал Коста. – Странно, я ни капельки не беспокоюсь...

– А-а! – в голосе женщины мелькнула ирония, смешанная, как ему показалось, с плохо скрытым удивлением. – Я, кажется, догадываюсь... Ты просто не веришь в меня. Так?

Коста кивнул. Мысли текли в другом направлении.

– ...Меня должны скоро найти, – думал он. – Все зависит от того, куда я упал. Вот сейчас раздадутся голоса, и луч фонаря рассеет все эти видения.

Коста оглянулся, сиюсь взглядом проникнуть сквозь зеленоватое сияние, исходившее из того угла, где сидела...

Он вдруг подумал, что не знает, как ее зовут.

Спросить? Спрашивать имя у галлюцинации?

– Доходишь, старик! – подумал Коста. – А впрочем, почему бы нет?

– Как тебя зовут? – спросил он, внутренне махнув на все рукой, решив, что если он сходит с ума, то это не самая неприятная форма сумасшествия.

– Меня зовут по разному... – ее глаза блеснули. – Зачем тебе? Ведь ты все равно в меня не веришь.

– Тогда я буду звать тебя... Греза Сумгана.

Коста глубоко затынулся и увидел, как в глазах женщины зажглись и погасли красные точки.

– Ты очень красивая, Греза...

Греза едва заметно вздрогнула.

– Мне никто никогда так не говорил, – промолвила она задумчиво. – Никто и никогда... Почему?

Коста пожал плечами:

– Кто же мог сказать тебе это, кроме меня? Редко кому, наверно, видятся такие сны... – последнюю фразу он произнес уже мысленно.

– Их было много... Они все были чем-то похожи на вас, – по лицу Грезы прошла легкая тень. – Они приходили кто зачем... Зачем пришли вы? Я знаю, вы здесь не первый раз. Что вам нужно?

Коста силился понять скрытый смысл ее слов, от которых веяло чем-то, несомненно, ему знакомым. Это что-то вертелось совсем рядом, никак не даваясь в руки.

– Наша задача была пройти сифон.

– А потом?

– Идти еще дальше.

– Ну и что? Для чего все это?

– Чтобы увидеть и узнать.

– Подожди, – Греза нетерпеливым движением откинула на плечо густую волну волос. – Там, – она указала на едва видимые в зеленом сиянии своды, – там есть солнце, там тепло, там весной распускаются цветы, а осенью ветер роняет с деревьев листья... Неужели вам этого мало?

– Солнце... – Коста вдруг почувствовал, что страшно давно не видел солнца. – Когда выходишь отсюда, по новому видишь все, ощущаешь..., это трудно объяснить.

– И ради этого вы уходите сюда... Что же вы ищете еще, когда там и без того прекрасно?

– Этого не объяснить в двух словах.

– Я хочу понять.

– Ну, хорошо, я попробую. Ты права. На Земле много прекрасного, – Коста тщательно подбирал слова. – Но мир стал бы беднее, не будь всего этого, – он обвел рукой мерцающие стены. – Здесь – мы тоскуем по солнцу, а на Земле мечтаем о том моменте, когда снова уйдем вниз. Мы уходим от Земли по разным причинам... Кто-то ищет себя, кто-то, напротив, бежит, но все мы идем за прекрасным. Не только эти стены, здесь познаешь другое – то, что дает право, если выдержишь,

говорить вместо "я" – "мы". Понимаешь? А вся эта красота? Зачем она, если не найдется никого, кто осмелился бы взглянуть на нее и унести в себе туда, на Землю?

Коста чувствовал, что волнуется. Куда-то незаметно исчезла усталость.

Они замолчали, и снова налетело ощущение, что он лежит, уткнувшись лицом в холодные камни.

– Мне кажется, я понимаю...

Греза вся сжалась на своем камне и теперь казалась совсем маленькой и беззащитной. Ее тихий голос звучал задумчиво и чуть грустно, и Коста почувствовал неведомо откуда возникшую нежность к этому призрачному существу.

И повинувшись этому безотчетному чувству, он сказал:

– Камень холодный. Простудишься.

Греза быстро обернулась к нему. В глазах ее вспыхнули изумленно-недоверчиво-веселые – иначе он не мог бы назвать их – искры, и вдруг она звонко, будто струящийся по каскаду ручеек, рассмеялась.

Она была действительно необыкновенно хороша в этот момент, и Коста, не сводя с нее глаз, восхищенно подумал:

– Черт возьми, да она совсем еще девчонка, очаровательная девчонка, моя Греза!

И тут же подумалось другое:

– Что-то долго не идут ребята. Неужели они еще не поняли, что меня нет? Или не могут найти?

Но следом вдруг неожиданно промелькнуло:

– Если это сон, то мне совершенно не хочется просыпаться...

– Ты странный... – на полуоткрытых губах Грезы играла задумчивая улыбка. – Ты будишь во мне необычные желания...

Она вдруг встала и сделала легкий шаг к нему:

– Хочешь... – Коста уловил мгновенное колебание. – Ты говорил о прекрасном. Хочешь, я покажу тебе Прекрасное?

* * *

Коста никогда не смог бы описать словами то, что увидел.

Они шли по гигантским каменным дворцам, в гуле убегающей в неизвестность реки.

Потрясающей красоты натечные каскады, играя пеной струящейся по ним воды, замирали в голубых озерах гуров, и там, в их синей прозрачности, цвели невиданные каменные цветы.

Огромные мрачные залы с теряющимися в зеленом сумраке сводами, где навстречу сверкающему перезвону капли тянулись вычурные башни сталагмитов, сменялись узкими галереями, где было страшно дышать – такими хрупкими казались прозрачные иглы кальцитовых друз.

Они переходили по каменным аркам мостов через стеклянную синь озер, взбирались по могучим натекам в маленькие гроты, где, презирая законы тяготения, прихотливо изгибались и спутывались в клубки тончайшие нити гелектитов.

Коста чувствовал, что тупеет от всего этого каменного великолепия. Мозг утрачивал способность воспринимать увиденное.

* * *

Потом они стояли на берегу большого синегурого озера. Где-то во мраке на разные голоса звенела капель, и звуки ее сплетались в волшебную мелодию пещеры.

Греза присела у воды, и по застывшей поверхности озера от ее рук разбегались легкие круги.

Коста видел ее плечи с разметавшимися по ним черными прядями.

– Ну, вот... – слова, сказанные почти шепотом, взлетели под невидимые своды, все усиливаясь и многократно преображаясь, и весь зал зазвучал невиданным органом. – Ты видел теперь. Что скажешь?

– Тут трудно что-то сказать, – Коста достал измятую пачку сигарет, в ней оказалось пусто, и он, помедлив, снова сунул ее в карман. – Ты же знаешь, что об этом не скажешь словами.

– Ты видел теперь... Скажи, – Греза плавно выпрямилась и повернулась к нему. – Скажи, если тебе удастся и в этот раз вернуться туда, на Землю, ты снова захочешь прийти сюда?

– Если удастся вернуться... – подумал Коста.

– Но зачем? Ведь ты уже видел!

- Именно поэтому.

- Но ведь ты не хотел бы остаться здесь навсегда! Смотри! - Греза взмахнула рукой, и по стенам побежали зеленые сполохи. - Стоит тебе захотеть, и все это - твое. И не надо будет уходить и возвращаться?

Коста медленно покачал головой.

- Здесь нет солнца. - В глазах Грезы, они были сейчас совсем близко - зовущие и обволакивающие, он уловил легкую насмешку. - Но зато здесь есть все Это. Ведь ради Этого вы уходите от солнца!

- Дело не в солнце... Вернее, не только в нем. Там, на Земле, живут люди... Они ждут нас, и мы не имеем права не вернуться.

Коста давно потерял ощущения времени. Он не знал, сколько его прошло... вечность или мгновение.

- Ты будишь во мне странные чувства...

Греза чуть отстранилась, глаза ее, устремленные на него, подернулись мерцающим туманом, и Коста опять удивился охватившей его нежности.

- Хорошо. Ты сказал, что я... красивая.

Коста готов был поклясться, что уловил в ее прекрасных глазах смущенно-нерешительное движение.

Она теперь была так близко, что ему даже почудилось прикосновение ее дыхания.

- Скажи, ты смог бы... - Греза сделала видимое усилие. - Ты... смог бы... полюбить меня?

Коста меньше всего ожидал этого вопроса и почувствовал, как вздрогнуло в груди сердце.

- Почему это не наяву? - подумал он - Милая ты моя Греза... Как жалко, что ты всего лишь мираж! Полюбить тебя? Да я никогда не видел существа более достойного любви...

- Тогда... - ее голос дрожал волнением. - Представь себе, что ты полюбил меня, и я... я - тоже. Тогда... Ты бы остался?

Коста чувствовал, что ему трудно дышать, что сердце его наливается мукой.

Перед глазами вспыхнуло и завертелось видениями солнце:

- вот идут, стигаясь под тяжестью необъятных рюкзаков, ребята - на перемазанных, залитых потом лицах угрюмая горькая решимость;

- вот какой-то человек, столы, много людей, слова глухо звучат: экспедиция..., безответственно..., запретить..., усилить контроль над работой групп...

- вдруг, закрывая все, надвинулось лицо мамы, и тут же исчезло, а вместо него из-под низко надвинутой каски в упор глянули спокойно-осуждающие глаза Вовчика.

Потом, в ореоле погасшего солнца, возникли Ее огромные черные зрачки, вспыхивающие зелеными искрами...

И вдруг погасли. По лицу Грезы прошла мучительная тень. Она быстро протянула руку, и Коста почувствовал на своих губах прикосновение ее холодных пальцев.

- Молчи, - прошептала она. - Я все поняла...

Греза резко отвернулась, глядя куда-то в темноту, и Коста почти физически почувствовал, как между ними ширится холодная, словно вечность, бездна.

- Я все поняла, - услышал он шепот.

В нем слышалась такая тоска безнадежности, что Коста невольно качнулся к ней, но Греза, оглянувшись, отступила назад.

- Ты должен уйти, - теперь голос ее звучал по-прежнему твердо. - Я могу, но не стану тебя задерживать. Они... все это... ждут тебя там, - в продолжение гибкой руки прозрачным светом озарилась сводчатая, будто в бесконечность уходящая, галерея. - Иди. Я отпускаю тебя. Иди. Ну? Что же ты?

Коста последним взглядом обнял всю ее, напряженно замершую, и, обрывая последнее прощание, повернулся и тяжело шагнул туда, где зеленым светом дрожала уходящая к солнцу - он знал это, галерея.

- Подожди...

Коста, вздрогнув, остановился, не в силах обернуться навстречу ее глазам.

- Сегодня я выполнила твое желание...

Он уловил волнение в голосе Грезы и вдруг увидел ее прямо перед собой, в черном разлете мерцающих разметавшихся по плечам волос.

- Выполни теперь мое... - она подняла к нему озабоченное мягким светом лицо, черные ресницы, затрепетав, сомкнулись. - Поцелуй меня... на прощание.

Как в тумане, Коста наклонился и осторожно коснулся ее холодных губ.

- Не так... - прошептала она.

И он понял, притянул ее к себе и, всем своим измученным телом ощущая ее третнюю гибкость, прильнул к губам, неожиданно потеплевшим и с каждым тяжелым ударом сердца все более расцветающим горячей нежностью...

- Греза, - сказал он. - Милая моя Греза!

- Если ты не забудешь меня, - услышал он шелест слов, - то найдешь, ты, назвавший меня Грезой и тем лишивший меня Черного Раздвоения. А теперь прощай.

- Прощай... Прощай... Прощай... - подхватили стены, словно удивленно перешептываясь.

- Не забудь меня-а-а! - долетело до него, будто дуновением.

- Забудь... будь... будь... - зашептали стены.

И все, ослепительно вспыхнув зеленым пламенем, исчезло.

* * *

Коста осторожно, преодолевая ломоту во всем теле, встал. Левое колено болело, но идти было можно.

Что-то мешало в правой, бесчувственно сжатой, руке, и Коста вытер мокрый лоб левой.

С каски капало.

- Эва! - закричал он, и хриплое эхо загрохотало вокруг.

Вдали послышался гул. Кто-то торопливо шел по направлению к нему.

- Эва! - снова закричал Коста в темноту.

- Эва-а! - донеслось далекое.

- Наши, - с безотчетной радостью подумал Коста.

Из-за поворота метнулся луч фонаря.

- Костик! - скользя по обледенелому полу, к нему бежал Леха. - Костик! Ты где же бродишь?

- Как там Вовчик? - спросил Коста, чувствуя, что с трудом держится на ногах.

- Все в порядке! Выскочил. У него страховка зацепилась, пришлось резать. А ты чего не пришел?

- У тебя курить есть?

- Конечно, - Леха удивленно рассматривал его изодранный в клочья грязный комбинезон.

- Давай покурим.

- Давай. Ты где это так уработался?

Все еще чувствуя непонятную неловкость в бесчувственно сжатой правой руке, Коста левой взял сигарету, прикурил, с наслаждением затянулся горьким дымом.

- Упал я... Кажется, с Большого ледника.

- Да ты что! - Леха даже присвистнул. - Идти можешь?

Коста кивнул.

- У меня только света нет. Там, - он мотнул головой в темноту. - В Ледяном зале остался.

Леха посветил в направлении кивка. В глазах его появилось удивление:

- Там, говоришь?

Коста глянул на желтый круг Лехино фонаря, и глаза его широко раскрылись:

- Да это зал Ворота!

- Ну! - Леха недоумевающе смотрел на него.

- Времени много прошло? С того, как ты прибежал? У меня часы стоят.

- С полчаса, наверно. Когда мы с Саней прибежали, Вовчик уже выплыл. Они там переодеваются, а я смотрю - тебя нет. Пошел сказать, что все в порядке...

Только сейчас Коста услышал приглушенный поворотами гул реки. Но не ответил. Потому что в этот момент свет Лехино фонаря упал на его правую руку, - ее Коста все также держал перед собой. То, что он увидел, на миг лишило его дара речи: рука сжимала рукоятку ножа - тяжелого подводного ножа.

Он мог не смотреть, он знал уже, не глядя, - это был нож Вовчика...

- Тут, брат, такие дела... - тихо сказал он.

* * *

Фонарь лежал на том месте, где он его оставил. Тут же на полу чернела вспышка, на боку которой мигала лампочка зарядки. Коста посветил вниз, и холодная дрожь пробежала по его спине. Внизу, там где многометровый язык Большого ледника выполаживался, черными зубьями камней скалилась глыбовая россыпь.

В лагере у колодца Вейса царило радостное оживление. Сказывалось спавшее после нервного дня напряжение.

На примусах под хозяйственным глазом Сорокина созревало какао.

Вовчик, забравшись в сухой свитер, все еще дрожал.

- Ну, мужики, я и задубел! - его голос звучал весело. - Потек по страшному.

- Пора кончать это дело, - Игорь озабоченно крутил головой.

Коста курил сигареты одну за другой, наслаждаясь теплым светом свечи.

Стоило прикрыть глаза, как ото всюду снова ползли зеленые блики...

- Рассказывай, что с тобой приключилось?

- Я, мужики, вообще балдею, - Вовчик, сидя на корточках, зябко поеживался.

- Со мной что-то непонятное получилось. Сифон я прошел сразу. Не знаю, где там Игорь блуждал. Прошел, в общем. Начал очки вытаскивать из-за пазухи, и черпанул за воротник. Бр-р-р! Ну, вот. Содрал маску, одел очки, Неудобно все это в перчатках. Крестин правильно говорил - надо линзы в резиновые очки вставить.

- И на нос зажим, - сказал Игорь. - Леха, дай сигаретку.

- Ага. Начал осматриваться. Там в правой стенке, мужики, мне окно почудилось, метрах в полутора над водой. Трудновато с воды вылезать, но решил попробовать. Вот тут я, наверно, его и уронил.

- Чего уронил? - Сорокин поставил в круг дымящийся котелок, и все потянулись за кружками.

- Нож. У меня, когда полез, видимо, нож как-то выпал. Я не заметил поначалу. Вылезти не смог - тяжело, и страховка натянулась. Я ее попробовал вытянуть, метра три она еще подалась, а потом ни в какую! Пока я соображал, как быть, глянул на манометр. А у меня там полный аут - стрелка на ограничителе! Вот это, думаю, дела! Пора уходить. Даю три рывка, маску на нос, очки в руке остались, и назад. Ты слышал рывки?

Сорокин отрицательно pokrutil головой.

- Ты вышел метров на сорок, потом остановился. Я дал рывок - как дела? Ты не ответил. Я еще. Ты молчишь. Тут мы всполошились.

- Потянули страховку - глухо, - Игорь отхлебывал из кружки, окутываясь клубами пара. - Я уже хотел в сифон идти...

- Она там в трещину попала, - сказал Вовчик. - А вы ее еще глубже загнали. Тут вообще началось. Хорошо, я не задергался. Назад пошел, а тот хвост, что я для окна выбрал, за выступ зацепился. Я, споряча - резать, а в руке вместо ножа очки. Вот тут я ножа и хватился. Нету! Ножны есть - ножа нет. Куда деваться, пришлось опять назад, чтобы петлю отцепить. Да еще спешу, думаю, вот-вот воздух кончится.

- Можно представить!

- И вот тут - штука такая. Я нож нашел! Выглянул из воды под тем окном, пляжу - на уступчике лежит. Дальше все было делом техники. У щели, где страховка застряла, я ее резанул.

Сорокин кивнул:

- Ты так с ножом, как пират, и вышел. Игорь уже в воду полез. А я чувствую - веревка дернулась, и ты на конце.

Ну, мы и потащили.

- Да-а, такое вот дело...

- Костик у нас тоже сегодня "именинник", - сказал Леха, выдвигая в круг котелок с рожками. - Он с ледника упал.

- С какого?

- С Большого.

- Да ты что! Костик, точно, что ли?

Коста молча кивнул.

- Ну, дела!

Некоторое время все молча работали ложками.

- Так вот, - сказал Вовчик, когда они в полной тишине разделались с ужином.

- Это еще что! Самое интересное я еще не сказал.

Он обвел глазами устремленные к нему лица.

- Нож, что я взял на уступе - это не мой нож!

- ...?

Коста с трудом разжал онемевшие губы:

- Ты прав. Твой нож - у меня.

И он протянул онемевшему Вовчику свои ножны.

Из них со звоном выпал на камень стола подводный клинок с черной рукояткой.
– Вот. И отдай мне, пожалуйста, мой. Тот самый, что ты нашел на полке под окном.

– Я что-то ничего н-не... – Игорь переводил взгляд с одного на другого. – Кто-нибудь что-нибудь тут понимает или нет?

– Со мной, мужики, такое было... – сказал Коста. – Одно из двух: либо я чудовишно галлюцинировал, либо... Либо я был за сифоном.

* * *

Он не все рассказал тогда ребятам. Стоило отвлечься, и перед его внутренним взором выступали из темноты огромные, чуть укоризненные глаза Грезы.

– Черное Раздвоение, – думал он. – Черное Раздвоение... Неужели легенды о Дзуликой – не просто легенды? Моя Греза – Дзулика? Этого не может быть.

* * *

ЭПИЛОГ

В большом здании московского аэровокзала было шумно.
До регистрации билетов оставалось еще полчаса. Они оставили рюкзак у стойки и вышли на привокзальную площадь.

– Значит, улетаешь, – Вовчик задумчиво смотрел на него.

Коста молча кивнул.

– Я понимаю, что все это нелепо, но... ничего не могу с собой поделывать.

– Нелепо? Как знать, старик...

Коста благодарно взглянул в спокойные глаза Вовчика.

– Давай покурим, что ли... На прощание.

– Давай, – Коста достал пачку "Явы".

– Давай лучше этих, – Вовчик протянул помятую "Приму". – Покрепче.

Курили молча. Мимо непрерывным потоком шли машины, тянулись люди с чемоданами и сумками, мощно рыча моторами, проплывали величавые "Икарусы".

– Зимой-то... Едешь с нами? – Вовчик, поискав глазами, бросил окурки в урну.

– На Сумган?

– На Сумган. Попробуем собрать сильную подводную группу. Да и новичков много будет. Поедешь?

– Я постараюсь, – Коста трудно улыбнулся.

– Постарайся, старик. И не теряй связи.

Коста кивнул.

– Пойду я, пожалуй, – Вовчик протянул ему крепкую ладонь.

– Ребятам привет, – Коста качнулся вперед, как бы готовясь встретить неизбежное. – Увидимся еще. Удачи!

– Удачи, старик. И обязательно найди, понял?

"Внимание! Объявляется регистрация на рейс 533, вылетающий по маршруту... Регистрация билетов и оформление багажа будет производиться у стойки номер одиннадцать. Повторяю..."

Голос репродуктора гремел над шумом привокзальной площади, а Коста, широко расставив ноги, все стоял и смотрел туда, где среди мельтешащего потока людей то исчезала, то снова появлялась все удаляющаяся коренастая фигура Вовчика...

июль 1978 – июнь 1994 года